

Люцзин внимательно присмотрелся к незнакомцу. Его осанка была величественной, исполненной благородства и достоинства, словно высеченной из чистейшего нефрита, однако лицо казалось совершенно чужим. Этот старик явно не принадлежал к числу обычных обитателей Подземного царства.

«Неужели хранитель этих полей?» — подумал юноша.

— Позвольте узнать, почтенный старец, кто вы будете? — вежливо осведомился Люцзин, стараясь говорить как можно мягче и уважительнее, дабы ненароком не навлечь на себя гнев неведомого могущественного существа.

Старик презрительно фыркнул, смерив его высокомерным взглядом:

— Жалкий призрак, позабывший даже собственное имя... Какое ты имеешь право расспрашивать меня?

Люцзин лишился дара речи. Слыхали бы это другие! Будто он по собственной воле растерял свои воспоминания!

Не дождавшись ответа, старец вновь повернулся к нему. Его лицо по-прежнему оставалось суровым:

— Что молчишь? Хочешь сказать, я не прав?

Куда уж там спорить! Возрази он хоть словом, этот сердитый дед наверняка швырнул бы в него чем-нибудь потяжелее. Хоть призрака и невозможно убить обычной затрещиной, боль Люцзин чувствовал вполне отчётливо. Владение магией имело и обратную сторону: все телесные ощущения обострялись до предела. Тем не менее юноша сделал шаг вперёд, осторожно выбираясь из зарослей алых цветов, подошёл поближе и негромко спросил:

— И всё же... Не вы ли храните эти бескрайние поля?

— Хранитель? — Старик окинул взором уходящий за горизонт багровый ковёр ликорисов и мысленно усмехнулся: есть ли в этом мире хоть что-то, что не подчинялось бы его воле? — Нет.

— А, вот как... — только и смог выдавить Люцзин.

Его равнодушный тон озадачил старика. Тот недовольно прищурился:

— Ну и к чему был этот вопрос? Какая тебе разница?

Люцзин лишь покачал головой:

— Да так, пустое. Где вы живёте, почтенный? Позвольте мне проводить вас.

Старик нахмурился так, что его седые брови сошлись у переносицы. С каждым разом этот малый казался ему всё более нерешительным.

— Туда, где я живу, тебе ходу нет.

Вот ещё новости! Неужто в Подземном царстве нашёлся уголок, закрытый для него? Эти слова лишь разожгли любопытство юноши.

— Но ведь я — здешний судья. В Дифу нет мест, куда мне заказан путь.

Старик окинул его скептическим взглядом, в котором читалось явное «ну-ну, хвастай больше». Медленно, с ног до головы осмотрев Люцзина, он вдруг спросил:

— У тебя что-то на душе?

Люцзин внутренне вздрогнул. Неужели это так заметно?

— Ничего особенного.

— Хватит юлить, — ворчливо оборвал его старец. — Молодым приличествует прямота, а ты мнёшься как девица. Излагай давай.

Люцзин виновато улыбнулся, пытаясь перевести разговор на другую тему:

— Всё же мне лучше проводить вас, уважаемый.

Старик принялся неторопливо поглаживать свою короткую белую бороду, делая это с таким важным видом, будто она свисала до самого пояса.

— Слыхал я, будто вчера, в Праздник середины года, господин Яньгу преподнёс праздничный фонарь девице по имени Вэй Чжиюэ. Ты ведь судья, а значит, водишь с ним близкое знакомство. Будь любезен, разузнай у него при случае, когда свадьба? Мне нужно успеть подготовить достойный подарок.

«Да почему все вокруг твердят только об этом?!» — раздражение горячей волной плеснуло в груди Люцзина. Он поспешно замахал руками:

— Вовсе нет! Мы с ним едва знакомы! Совершенно чужие друг другу люди!

Старик понимающе усмехнулся:

— Неужто твоя печаль оттого, что Яньгу решил обзавестись супругой?

Люцзин не знал, способны ли призраки краснеть, но сейчас он чувствовал себя так, точно его поймали за руку на месте преступления. Сердце предательски сжалось.

— Н-нет... Вовсе нет...

Старик пристально всматривался в его растерянное лицо, а затем со вздохом покачал головой:

— Что и говорить, Чжюэ — девица редкой красоты, такую ни на небесах, ни под землёй не сыщешь. Но тягаться с Яньгу тебе не под силу. Он, как ни крути, сам Король Яма, чин у него повыше твоего будет. Да и лицом он, признаться, покрасивее тебя уродился.

«Мы едва знакомы, а он уже успел меня так приложить!» — Люцзин уязвлённо вскинулся:

— Подумаешь, чин выше! Подумаешь, смазливая рожа! Этот ваш Яньгу — самый невыносимый и взбалмошный тип в Подземном царстве! Он упрям, деспотичен, обожает издеваться над подчинёнными, а самое главное... — Юноша вовремя осёкся, едва не сболтнув лишнего, и испуганно прикусил язык.

Старик лукаво вскинул седые брови, а в его глазах заплясали весёлые искорки:

— А самое главное — что? Договаривай, не стесняйся. Расскажи всё без утайки, глядишь, старик и подскажет, как быть.

— Пустяки, я просто сболтнул лишнего, — поспешно пробормотал Люцзин, отвешивая глубокий поклон. — Если в моих услугах вы более не нуждаетесь, позвольте откланяться. В Палате Яньло накопилось немало дел, которые требуют моего немедленного присутствия.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и бросился прочь, почти бегом спасаясь от этого пронизывающего взгляда, буравившего его спину.

Он действительно бежал. «Какая глупость! Чуть было не проболтался!» Когда взволнованный юноша добрался до Палаты Яньло, её массивные двери были уже заперты. Толкнув створку, Люцзин проскользнул внутрь, бережно опустил книгу учёта на письменный стол и только после этого направился к себе в Терем Лунного Сияния.

Несмотря на изнурительный день, он не чувствовал ни голода, ни усталости. Похоже, его духовные силы крепили, а владение магией совершенствовалось: теперь он мог обходиться без еды, питья и сна, оставаясь бодрым и полным сил.

Окна комнаты Яньгу в глубине двора тускло светились тёплым огоньком свечи. Люцзин не решился побеспокоить его. Смыв с себя дневную пыль и дорожную усталость, он тяжело опустился на постель.

Вопрос о том, действительно ли Король Яма намерен взять в жёны Вэй Чжиюэ, так и остался невысказанным.

Прошло ещё несколько дней. Люцзин прилежно выводил иероглифы на бумаге, изредка бросая взгляды на Короля Яма. На судейском месте тот преображался — вершил суд беспристрастно и строго, не допуская ни малейшего кумовства или снисхождения. В такие минуты пред всеми предстал истинный правитель Подземного царства, великий Янь-ван, грозный владыка Фэнду, чей авторитет был непререкаем.

Улучив свободную минуту и выдумав благовидный предлог, Люцзин тайком ускользнул к Реке Забвения, надеясь разыскать Цзюцина. Юношу терзали смутные сомнения, которыми он не мог поделиться ни с кем другим, кроме своего давнего друга.

У самого берега бурлящего потока Цзюцин вовсю хлопотал над бумагами. Рядом с ним, словно неразлучные тени, высились две фигуры — одна в белоснежном одеянии, другая в угольно-чёрном. За полгода службы Люцзин успел хорошо изучить нрав братьев-непостоянств, да и они привыкли к молодому судье. Не успел он сделать и десятка шагов, как оба стража одновременно повернули головы в его сторону.

«Иногда мне кажется, что у Черного и Белого Непостоянств собачий нюх — до того чутки их души», — невольно подумал Люцзин.

— Господин судья, в последние дни на вас лица нет. Неужто стряслась какая беда? — стоило Люцзиню подойти ближе, как Фань Уцзю шагнул ему навстречу, напустив на себя чрезвычайно важный и суровый вид.

Люцзин уныло вздохнул, под стать своему измождённому виду:

— Да так, в последнее время на душе беспокойно... Но ничего страшного.

Се Биань, вопреки обыкновению, не стал улыбаться. Его голос прозвучал на удивление серьёзно:

— Похоже, наш почтенный судья прознал, ради чего господин Яньгу подарил фонарь молодой госпоже Вэй, и теперь изнывает от тоски.

В этот миг Люцзин по-настоящему испугался Се Бианя. Тот читал его мысли как открытую книгу. Хотя Цзюцин и Фань Уцзю, казалось, ещё не до конца поняли намёк, Люцзин поспешно отвёл глаза, не в силах вынести этот пронизательный взгляд.

Услышав это, Цзюцин поспешил успокоить друга:

— Понимаю твои тревоги. Но не переживай: я говорил с Юэ-юэ, она вовсе не желает связывать судьбу с владыкой. Если господин Яньгу заговорит о браке, она непременно ответит отказом. — Цзюцин искренне полагал, будто Люцзин беспокоится, как бы нежная Чжюэ не натерпелась обид от сурового Короля Ямы.

Хотя Цзюцин истолковал его чувства не совсем верно, Люцзиню всё же стало немного легче. Напряжение, сковавшее плечи, спало.

— Неужели Чжюэ так и сказала?

Цзюцин шутливо закатил глаза:

— Стал бы я тебе врать! Не веришь — она сейчас как раз на мосту, сходи да спроси сам. — Он махнул рукой в сторону видневшегося в тумане Моста Беспомощности.

Люцзин безоговорочно верил другу. Хоть радоваться чужому отказу было не слишком благородно, на душе у него потеплело, а гнетущая тяжесть окончательно рассеялась.

Заметив, как просветлело лицо юноши, Фань Уцзю весело хохотнул:

— Ну вот, теперь господин судья может спать спокойно! Не робей, дружище. Сдаётся мне, Чжюэ заглядывается на тебя гораздо чаще, чем на нашего сурового владыку.

«Чего?! Откуда он это взял?!»

Не успел Люцзин вымолвить и слова, как Се Биань без лишних разговоров опустил свою поминальную палочку на затылок брата. Фань Уцзю взвыл от боли, обхватив голову руками:

— Старина Седьмой! За что дерёшься?!

Се Биань холодно смерил его взглядом:

— Держи язык за зубами, коли не смыслишь в деле.

Поняв, что Фань Уцзю действительно досталось, Цзюцин поспешил вмешаться, дабы разрядить обстановку:

— Господа бездельники, успокойтесь. Наша Юэ-юэ и на Люцзина не посмотрит, так что не о чем тут спорить.

Услышав это, Фань Уцзю перевёл на Люцзина полный искреннего сочувствия взор, точно жалел бедолагу.

«Ну спасибо, удружил! Вроде и помог, а уязвил пуще прежнего!» — мысленно простонал Люцзин.

— Давайте лучше вернёмся к делу, — вздохнул он, понимая, что с такими друзьями и врагов не надо.

Се Биань тут же посерьёзнел:

— Что за дело привело вас к нам, господин судья?

— Я хотел расспросить вас о тринадцатом годе эры Баонянь, — Люцзин опустил на каменистый берег у кромки воды. Собеседники полукругом устроились рядом с ним.

— Тринадцатый год Баонянь? — переспросил Цзюцин. — Постой, разве это не год твоей кончины?

Люцзин угрюмо кивнул:

— Именно так. Се Биань, Фань Уцзю, вы не привязаны к течению мирских лет, но наверняка помните, что тогда творилось в Имперской столице. Если я действительно скончался от внезапного недуга, почему моя душа пробудилась посреди багровых полей ликорисов? И почему между моей смертью и пробуждением пролегло целых шестьдесят лет беспмятства?

— Ну... — Фань Уцзю растерянно переглянулся с братом.

Се Биань слушал молча, погрузившись в раздумья и делая вид, будто не замечает беспокойства Черного Непостоянства. Наконец он заговорил:

— Тринадцатый год эры Баонянь выдался смутным для Поднебесной. Самое громкое несчастье случилось тогда во дворце: Старший принц, Цзинцзюэ, поднял мятеж и лишил жизни

собственного отца. Однако кара настигла его незамедлительно — он пал мёртвым прямо в тронном зале. На престол взошёл второй принц, Цзинъюй, но и его правление оказалось недолгим: новоиспечённый государь скончался, едва успев принять бразды правления. Власть унаследовал его младший брат, Цзинчи. Ещё до этих событий один за другим покинули этот мир несколько высокопоставленных сановников. Раз уж ты родом из столицы, начни поиски оттуда. Наверняка там кроется разгадка.

«Этот бедолага Цзинъюй родился под несчастливой звездой, — подумал Люцзин. — С таким трудом заполучить трон и сразу же испустить дух... Если его душа ещё не переродилась в круге сансары, надо бы разыскать его. Думаю, мы бы быстро нашли общий язык на почве злой судьбы».

Вслух же он произнёс:

— Одно мне не даёт покоя: если моя смерть была внезапной, почему у меня не оказалось при себе подорожной для входа в Дифу? И почему вы, братья-непостоянства, не помните, как забирали мою душу? Даже в Книге Жизни и Смерти о моей судьбе нет ни единой строчки.

Лицо Се Бианя оставалось бесстрастным:

— Пути судьбы неисповедимы, а нити причин и следствий переплетены слишком туго. Порой случается так, что чья-то участь ускользает от взора Небес. Возможно, твоя душа — как раз из таких исключений.

Фань Уцзю уставился на брата с неподдельным восторгом. От столь пристального и обожающего взгляда Белому Непостоянству стало не по себе. На его мертвенно-бледном лице проступил едва заметный румянец:

— Ч-что ты так на меня вылупился?

Черное Непостоянство, позабыв о приличиях, крепко обнял брата за плечи и принялся ласково тереться щекой о его рукав:

— Старина Седьмой, до чего же ты умён! Век буду тобой восхищаться!

Смущение Се Бианя росло, а румянец заливал уже всю шею. Он попытался высвободиться, неловко пробормотав:

— Глупый... Какой же ты глупый...

Цзюцин, наблюдая за этой сценой, от души рассмеялся:

— Сразу видно — истинное согласие меж братьями Непостоянства!

Фань Уцзю гордо вскинул подбородок, даже не думая разжимать объятий:

— А то как же! Столько сотен лет плечом к плечу стоим.

Люцзин лишь беззвучно вздохнул. «Эх, Восьмой господин, простодушная твоя душа, до чего же ты недогадлив...»

Се Биань едва заметно, но очень тепло улыбнулся, что Люцзин с Цзюцином тут же заметили.

Наконец Фань Уцзю отпустил брата и вновь повернулся к Люцзину:

— Так что же ты намерен делать теперь, господин судья?

Люцзин решительно выпрямился:

— Через пару дней отпрошусь у господина Яньгу и отправлюсь в мир живых, чтобы во всём разобраться. — Разгадать тайну своего происхождения было его долгом. К тому же юношу не покидала мысль о таинственном силуэте, кружившем в танце посреди алого моря цветов в день его пробуждения. Хотя уверенности не было, он всем сердцем чувствовал, что это был именно Король Яма.

Фань Уцзю ободряюще хлопнул его по плечу:

— Верное решение! Отправляйся со спокойной душой, а мы со стариной Седьмым прикроем тебя, если что.

Се Биань лишь покачал головой, дивясь бахвальству своего непутёвого брата. Поднявшись на ноги, он вежливо поклонился:

— Пора и честь знать. Срок передышки вышел, нам с Восьмым пора отправляться за душами усопших. Берегите себя, господин судья, Цзюцин.

Люцзин и Цзюцин тоже встали, провожая их взглядами:

— Доброго пути. Встретимся в Палате Яньло.

Две призрачные фигуры бесшумно заскользили над гладью Реки Забвения в сторону Дороги Жёлтых источников. Когда очертания берега скрылись в туманной дымке, Фань Уцзю негромко спросил:

— Се Биань, как думаешь, стоит ли доложить владыке о затее судьи?

Се Биань усмехнулся, подивившись тому, как быстро брат растерял былую уверенность:

— Не нужно. Если уж Король Яма лично явился к Люцзиню в день его пробуждения, значит, такова была его воля. Пусть всё идёт своим чередом. Мы ведь с тобой знаем тайны нашего владыки. Помни одно: при судье нельзя ни лгать, ни открывать всю правду целиком.

Фань Уцзю озадаченно почесал в затылке:

— И как это понимать? Что же тогда говорить?

Се Биань покачал головой, едва сдерживая желание вновь проучить брата поминальной палочкой:

— Отвечай на то, что не имеет значения, и умалчивай о главном. Теперь-то уразумел?

Фань Уцзю надолго задумался, смешно вращая глазами. Лишь когда они миновали Врата Духов, он наконец важно кивнул:

— Вот теперь всё предельно ясно!

Се Биань не выдержал и звонко рассмеялся, эхо его смеха растаяло в тумане загробного мира.

<http://bllate.org/book/18339/1862560>